

* * *

Сколько можно ностальгировать
По стране, что больше нет,
И в дискуссиях лавировать
Выводя её на свет
В рода разного обличиях,
Излучавшей свет и тьму?..
Всё равно её величия
Не оспорить никому.
Ну а то, что в бездну канула
Без особого труда,
То спросить бы надо с Каина,
Что народом был тогда.

* * *

Ларисе Миллер

Вроде бы и ценили,
Но всё чаще с годами
Мы для них только были
Отпущенья козлами.
Не скупилась на средства,
Чтобы сделать больней.
Родом я не из детства,
А из дела врачей.
Может быть, и некстати
И кому-то в укор,
Но в том белом халате
Я хожу до сих пор.

* * *

Я друг коренного народа
И по совместительству враг —
По воле рябого уroda,
Что мать мою бросил в Гулаг.
Я тот, кто, слюной отобедав,
В обносках с чужого плеча,
Единственный раз — в год победы —
Любил своего палача.
Но как не была бы терпима
Жестокая память о нём,
При звуках его псевдонима
Я тотчас мрачнею лицом.

* * *

Вся надежда на небо,
Коль земля подвела.
Эх, бескрылому мне бы

Заиметь бы крыла.
Может, я и не пара
Голубой вышине,
Но замашки Икара
Обитают во мне.
И откуда я знаю
Почему это так,
Почему я летаю —
Не взлетая никак?

* * *

В основном лишь себе в утешенье,
Чтобы память на нет не свести,
Сочиняешь ты стихотворенье
О своём непутёвом пути.
Где хватало и ям, и колдобин,
Где рябило в глазах от берёз,
Где ты был относительно добрым,
Молодым и наивным до слёз.
Об отваге, скорее застольной,
О бросающей в жар красоте,
Ну а главное — о добровольной,
Поразившей тебя слепоте.

ВЕСНА

И вот опять сверкающими днями
Как на дрожжах вздымается река,
И выпуклые, как на диораме,
Стоят в глубоком небе облака.
Сквозною синью березняк прополот.
Неузнаваем за неделю стал.
Вчера ещё несокрушимый холод
Сегодня покидает пьедестал.
Прощай, зима. Прости, что в душу вкралось
Скрываемое плохо торжество.

Прости, что не испытываю жалость
По поводу ухода твоего.

* * *

То ли нервы тому причина,
То ли возраст тому виной, —
Далеко не старый мужчина,
Полюбил я тишь и покой.
Выручай же, мама Природа,
Я к тебе возвращаюсь опять —
Подышать луговым кислородом,
Под нагретой сосной полежать.
Сбита с сердца забот колодка,
Тишина над землёй плывёт,
И куда-то божья коровка
По большому пальцу ползёт.

* * *

За этим письменным столом,
Не отрываясь от тетради,
Провёл ты под кривым углом
Всё лето, непонятно, ради
Чего? Каких таких идей,
Страстей, стремящихся на выход?
В прямом отрыве от дождей,
От пенья птиц и прочих выгод,
Что с летней связаны порой,
И что зимою будут сниться,
И не заменят ни одной
Тобою созданной страницы.

* * *

Не самое удачное из мест,
Где ты на свет изволил появиться,

Где получал ты за один присест,
Что выпадало, может, единицам.
В одном флаконе: ссылка и детдом,
И улочки ампирного Арбата,
И май над краснопресненским прудом
В расщелинах литейного заката.
И непередаваемая грусть
В душе, Бог знает, до чего дошедшей,
И блузку распирающая грудь
В ночную смену спящей военпредши.

2001 г.

* * *

Я из тех, кто в толпе,
Кто ничем не отмечен, не признан,
И лишь только тебе
Я обязан судьбою и жизнью.
И пускай моя кровь
От твоей отличается крови,
Ты мой донор и кров
Безо всякого рода условий.
И когда я уйду,
Отороченный траурным крепом,
То за счастье почту
Стать твоими землёю и небом.

2003 г.

* * *

Снова мимо Болотого
Пролетаю в Ленинград.
В сторону гнезда чужого,
Что милей мне во сто крат,
Чем иные палестины,
Выселки и хутора.

Здесь петровские картины
Вас преследуют с утра —
В виде Мойки, в виде «Сада»,
В виде зелени густой.
Панорама Ленинграда
С петербургской красотой.
1994 г.

* * *

Умирают поэты
Среди белого дня,
На руках у планеты,
На глазах у меня.
Глухо падают комья,
Длится время беспечно.
Стали слишком знакомы мне
Тропы на Новодевичье...
Нет, не в лету вы канули —
В лето, в осени, в зимы,
И над вами веками
Убиваться России.

* * *

Не думать бы тебе об этом,
Не наносить печали грим,
Что так ты и не стол поэтом,
Хотя и назывался им.
Хотя и отщипнул от славы,
И отхлебнул её вина,
Но это больше для забавы
С очередного бодуна.
И пусть останется секретом,
Что вынес ты, судьбу губя.
И не с кого спросить за это,
И даже с самого себя.

* * *

Хотя не за горами
Печальнейший из дней, —
Душевный быт с годами
Становится прочней.
Настоянный на спорах
И на слиянии уст,
Он пребывает в шорах
Непреходящих чувств,
Он выглядит нелепо,
Смешно со стороны,
Но грозен, словно крепость,
В последний день войны.

1994 г.

* * *

Тебе и плакать-то нельзя,
Хотя б отчасти.
Уходят на тот свет друзья
По воле страсти.
По обстоятельствам таким,
Что только ахнешь.
И, одиночеством гоним,
Стоишь на вахте.
На вахте горя и беды,
И ожиданья.
И не кому подать воды,
Смягчить рыданье.

* * *

А может быть, замнём для ясности
Наш беспредметный разговор?
Тем более что ты в опасности
Себя считаешь до сих пор.

Хотя погода и ненастная,
Но всё ж не льёт как из ведра,
И далеко уже не красная
Стоит на улице пора.
Так что возможно при желании
Не только языком трепать,
А ты живёшь всё в ожидании
Того, чего не стоит ждать.

* * *

Тебя ценили и завлабы,
И гегемонная братва,
Поскольку ты стоял за слабых,
За проигравшихся дотла.
И пусть в поддатых потасовках
И на собраниях записных
Ты выступал не очень ловко,
Но всё же не был в запасных.
Нечасто резал правду-матку
И лез в открытую на нож,
Но всё ж в крови однажды майку
Домой украдкой принёс.

* * *

Я больше не могу,
Я лучше сгину
С лица земли,
Которую люблю.
Слепую злобу,
Как рубаху, скину
И все грехи
Чужие замолю.
Чужие, да.
А о своих — ни слова.
На свете нет

Таких монастырей,
Чтобы моя душа
Была готова
Перебеситься памятью своей.

* * *

Завершился бы жизненный бал
Менуэтом старинным.
Слишком долго я в жизни молчал
По различным причинам.
Никого не дано воскресить,
Ничего уже не переделать,
И не тянет ни пить, ни любить,
Как когда-то хотелось.
Только лютая жажда одна —
Всё поведать до точки,
А потом пусть родная страна
Забывает сыночка.

* * *

С.Д.Г.

Отправляюсь к чёрту на кулички
Навестить подругу юных дней,
Ту, что по своей чудной привычке
Вымещала доброту на мне,
Что со мной возилась, графоманом,
В книжный мир вводила не спеша,
Интеллектуальная душа,
Что была мне вроде атамана.
Гордость и краса всего факжура,
До сих пор он ей не по плечу.
Более полвека с этой «дурой»
Я счастливый жребий свой влачу.

* * *

А в жизни нет иного выхода,
Как только жить
И безрассудно и невыгодно
Её любить.
Любить за радость и за горесть,
За плач и смех.
Любить за медленность и скорость,
За жизнь и смерть.
И что её порочить проку,
Когда она
У каждого, и слава Богу,
Всего одна.

* * *

В ожидании лучших времён
Прожил он в суете торопливой,
В обожанье ушедших имён,
В поглощенье газетного чтива,
При хоккейно-футбольных страстях,
И в пылу доминошных баталий,
В нескончаемых очередях,
Что длинней и безжалостней стали.
У него две войны за спиной,
Три семьи разорённых бедою,
И на лацкане — орден святой,
Именуемый красной звездою.

1984 г.

* * *

Навсегда оставленный друзьями,
Что ушли, удел свой оттрубя,
Что ты смотришь грустными глазами
В зеркало на самого себя?

Созерцать своё изображение,
Поводя расчёской по губам, —
Далеко не лучший вид общенья
С теми, кто уже ни здесь, ни там...
Не осталось никого в помине,
С кем полжизни был накоротке.
Тут, глядишь, недолго, как на mine,
Подорваться на сплошной тоске.

* * *

Отражался в прудах и озёрах,
Разбирался в футболе и шах,
И досуг проводил в разговорах
Об интимного рода вещах.
Неохотно ходил на собрания,
Речи мимо ушей пропускал
И по случаю голосованья
Руку позже других подымал.
Плавал кролем и бегал трусцою,
И к начальству дорожку торил,
И не ведал грехов за собою,
Даже ведая то, что творил.

* * *

Наугад, наощупь, на авось
Он живёт и бродит где попало,
Честно говоря, несчастый гость
В наших замороченных кварталах.
Не какой-то там властитель дум,
Не очередной борец с властями,
Если и производил он шум,
То отнюдь не гневными речами
И не митинговой суетой,
Не советом: «Как благоустроить...»
Просто быть во всём самим собой,
Всё ещё чего-нибудь да стоит.

* * *

Рановато подводить итоги,
Поздновато начинать с нуля.
Всё ещё заботы и тревоги
Вынимают душу из меня.
Этот мир, в котором пребываю,
Эта жизнь, которой я живу,
Всё ещё прекрасным называю,
Всё ещё счастливою зову.
Козырьком ладонь ко лбу приставив,
Щурюсь на рассыпчатый снежок
И не в силах всё ещё представить,
Как я буду скоро одинок.

* * *

Не стоит заниматься самоедством
И душу постоянно обнажать.
Не лучшее на белом свете средство —
Таким приёмом совесть убажывать.
И что за прок в раскаиванье частом,
В словах, берущих сердце на испуг?
Не слишком ли сомнительное счастье,
Когда тебя жалеют все вокруг?
И как бы ни был ты порой наивен,
Какой бы ни закатывал скандал,
Ты всё же сам в своих грехах повинен,
И даже в тех, что ты не совершал.

* * *

Не делай вид, что всё тебе до лампочки,
Что всё тебе на свете трын-трава.
Ещё не время прозябать на лавочке
И бормотать бессвязные слова.
Ещё рука не затекла от посоха,

И плоть ещё годится для того,
Чтоб вздрагивать от ливневого шороха
И наслаждаться свежестью его.
И не трястись от страха и от скупости,
Не отрекаться от чужой вины,
И совершать такого рода глупости,
Которым нет и не было цены.

* * *

И вдруг махну на всё рукою —
На быт, на книги, на семью —
И только дочь возьму с собою,
Козетту вечную мою.
И ни жене, ни государству
На воспитанье не отдам,
И буду сам поить лекарством,
Стирать и стирать буду сам.
Её носочки и платочки
Как сувениры берегу.
Семнадцать дней живу без дочки.
И сколько так ещё смогу?

* * *

Я думал о тебе и в майскую поездку —
В старинный городок, похожий на мечту.
И сердцу вопреки, и разуму в отместку
Под всем, что пережил, я подводил черту.
Вещал экскурсовод о княжеских раздорах,
О происках врагов и доблести друзей,
А я предполагал, что ты уедешь скоро,
И я освобожусь от магии твоей.
И снова заживу привычной суетою,
И белкой в колесе забегая опять,
И только, как назло, —

Наедине с собою
Я буду о тебе внезапно вспоминать.

* * *

Пили Рислинг в кафе на Бронной,
Зябли на Патриаршем пруду,
«И катилась вниз по наклонной»
У всея Москвы на виду.
Засекали нас сослуживцы,
«Заставали» соседи нас,
Всех мастей и рангов ревнивцы
С наших лиц не сводили глаз.
Но отведав счастливого страха —
Свой «позор» подтверждали вновь.
Как стрельцы всходили на плаху,
Так всходили мы на любовь.

* * *

Я служу под твоим началом,
Обречённый тебя беречь,
Поправлять на тебе одеяло,
Что всё время сползает с плеч.
Обращать вниманье на дочь,
Помогать тебе по хозяйству, —
Правда, тут уж ты благодарствуй,
Я не очень могу помочь.
Но, являясь твоею ошибкой,
Всё-таки, несмотря ни на что, —
Подавать тебе только с улыбкой
Побывавшее в чистке пальто.

2008 г.

* * *

Ревуша, модница, зануда...
Дурную голову склоня,
Благодарю тебя за чудо —
За то, что втюрилась в меня,
За то, что побоку пустила
Своих поклонников рои,
За то, что так и не простила
Те похождения мои,
За глухоту советов дельных,
За чувств сомнительных обвал,
За то, что я тебе ни денег,
Ни счастья, ни любви не дал.

1974 г.

* * *

Отрешил я себя, отрешил
От звонков, от свиданий, от писем.
Душу, словно костюм, перешил
И презрением боль свою высек.
От свидетельств и явных улик
Твоего пребывания на свете
Отбояриваюсь каждый миг
И открещиваюсь каждый вечер.
Чур меня, чур меня, сатана!
Не казни мою память улыбкой
И хотя бы в течение дня
Не являйся добавочной пыткой.

1984 г.

* * *

И когда смерть начнёт свою жизнь
И над нами сгустится забвеньё, —
Ты хоть майским жуком окажись,

Хоть лиловой берёзовой тенью.
Я отдам всем религиям дань,
Все кораны до дыр зачитаю,
Буквой будь или цифрою стань,
А ничем — знать тебя не желаю.
Даже в мире, где нет ничего,
Где в беспамятстве мы пребываем,
Я бы только хотел одного —
Чтобы ты оставалась живая.

1984 г.

* * *

Вот уж никогда не думал,
Не предполагал,
То, что можно жить без шума,
Не впадать в скандал,
На шантаж и на угрозы
В раж не залетать,
Истерические слёзы
Вслух не проливать.
И на «явные улики»,
На свинцовый бред,
Чуть наивные улыбки
Посылать в ответ.

* * *

Память пожилую мучая,
Жребий свой кляня,
При любом удобном случае
Вспоминай меня.
Между прочим, ненароком ли,
На закате дня,
Безупречными упрёками
Вспоминай меня.

По фамилии иль отчеству,
Верность не храня,
Даже и каким не хочется,
Вспоминай меня.

2000 г.

* * *

Семейный очаг сокруша,
Куда ж ты опять запропала?
И снова провал за провалом
Надменная терпит душа.
О, мой кареглазый каратель!
Нельзя ли пореже чуть-чуть
Являть свой строптивый характер,
Пытаясь себя обмануть.
Пустой предаваясь надежде,
Что порознь сумеем прожить,
Мы всё-таки будем, как прежде,
С ума друг от друга сходить.

1984 г.

* * *

Ну что же делать мне, Джульетта?
Восторженно себя губя,
Из всех девчонок на планете
Я выбрал всё-таки тебя.
Ты и в мечтах мне не подвластна,
Ты недоступна и во сне,
Но всё ж подспудно и негласно
Надежда теплится во мне:
Пускай особых не имею
Талантов и достоинств я,
Но если б не было Ромео,
Ты б, может, выбрала меня.

* * *

Не убивайся! Все пройдёт,
И ты опять вернёшься в Обнинск.
А тот, кто допустил просчёт,
Об этом даже и не вспомнит.
Ну что ему твои дела,
Твои терзания и муки?
Поскольку ты сама взяла
Его такого на поруки.
В надежде, что он сможет стать
Твоей, пусть слабой, но защитой.
Да что об этом толковать
Вблизи разбитого корыта.

1.

Не трави мою душу своим появлением во сне.
Обходи ты меня за четыре квартала.
Сколько можно сражаться на той безымянной войне,
Где для полного счастья лишь гибели нам не хватало!

2.

Наша песенка спета.
Наше дело табак.
Нам хотя б до рассвета
Протянуть кое-как.
Пока дрыхнут соседи
За картонной стеной,
Нам хотя бы до смерти
не расстаться с тобой.

* * *

Сколько же нас развелось, стихоплётов!
Ну а поэтов всё так же в обрез...
О, безрассудная жажда полёта,

Лучше с крылами, но можно и без!
Чистой и грязной воды графоманы,
Каждый собой до небес упоён.
Я ведь и сам из того же обмана,
Бог его знает, зачем сотворён.
Собственной жизни сплошная помеха,
В деле, где страсти кипят наповал,
Я никому не желаю успеха,
Даже и тем, кто его испытал.

1992–1998 гг.

* * *

Какой бы там жизнь ни была,
И что бы она ни творила, —
Спасибо ещё, что дотла
Тебя она не изводила.
Давала и хлеба кусок,
И не обносила одежкой,
И даже свободы глоток,
Но этого, правда, немножко.
И, зла на неё не держа,
Хотя и случалось порою.
Спасибо за то, что душа
Всегда оставалась душою.

1992 г.

* * *

Ремонтные работы на дому
Идут широким, и не очень, фронтом.
Врагу не пожелаю своему
Всего того, что связано с ремонтом.
Шпаклевка, лаки, ацетонный дух,
Следы и от белил, и от замазки,
А тут ещё и тополиный пух

Своею ватой засоряет краски.
И нервы на пределе, и жена
Песочит, пилит, не даёт проходу...
А за окном бесчинствует весна
И выдаёт прекрасную погоду.